Чем глубже развал в государстве и раскол в обществе, тем назойливее подступает вопрос об ответственности за все случившееся интеллигенции, послужившей детонатором разрушительных процессов. Те из представителей научной и творческой элиты, у кого достает мужества признать это, раскаяться в своих заблуждениях и открыто выступить против режима, установлению которого они в свое время немало способствовали, находят самую горячую и благодарную поддержку у народа, воспринимаются ими в одном ряду с лидерами патристического сопротивления.

В этом ряду мы видим в последнее время известного кинорежиссера, актера и писателя, депутата Государственной думы Станислава Говорухина. Достаточно вспомнить его остро критические выступления по телевидению в период предвыборной кампании прошлого года (после одного из которых В. Шумейко даже предложил исключить ДПР из участия в выборах), его разрыв с Союзом кинематографистов сразу после октябрьских событий, а теперь — размежевание с Н. Травкиным, подписавшим договор о согласии. В ряду поступков, требующих гражданского мужества, можно назвать и последний фильм С. Говорухина «Великая криминальная революция». Фильм, который воспринимается как приговор нынешнему режиму, как документальное доказательство того, к чему привели Россию «демократические преобразования».

Недавно по приглашению координационного совета патристического движения Кубани «Отечество» и редакции краевой газеты «Кубанские новости» Станислав Говорухин приехал в Краснодар. Надо заметить, что наш город и край не обделены вниманием гостей из столицы. Здесь побывали за последний год многие знаменитости, начиная с президента страны и кончая Машей Распутиной. Но такого ажиотажа, как на встречах с Говорухиным, не припомнить. Большой зал бывшего Дома политпроса был набит битком, люди плотно стояли в проходах, сидели на ступеньках сцены. Говорухин показывал фрагменты своего по сути запрещенного фильма, отвечал на вопросы из зала — вопросы, в которых отразились все смутные, вся напряженность, вся неудовлетворенность нынешнего общественного сознания и духа.

Начал он с признания, на которое решится не каждый: — На мне большой грех. 12 июня 1991 года я ходил голосовать за Ельцина, мало того — и жену, и родственников сбил с толку. Перед вами — дурак набитый, и даже удивительно, что столько людей пришло на него посмотреть!

Нет, люди пришли посмотреть вовсе не на «дурака набитого», тем более что подобный грех числится не за одним Говорухиным, заблуждались в свое время многие. Главное, что привлекло людей, — это возможность услышать правду. Правда сегодня — самый большой дефицит, на нее огромный спрос. Говорухин известен как человек, политик, который, несмотря ни на что, говорит именно правду.

Он привез с собой книгу с одноименным названием, являющуюся как бы литературной записью фильма. Поскольку телевизионное начальство не пускает фильм на экраны, автор решил сделать книжку, ее стоимостью тиражом выпустило в Москве издательство «Андреевский флаг». Кроме того, десятки региональных газет (в том числе «Кубанские новости» и «Кубанский курьер») перепечатали ее на своих страницах. Надо отметить, что редакторы местных газет тоже проявили при этом определенное мужество. Самым первым книгу напечатал отдельным приложением еще в ноябре прошлого года редактор самарской газеты, после чего началась его травля — комиссии,ологи, суды, в итоге он покинул жизнь самоубийством...

Благодаря газетам с материалами, собранными Говорухиным в поездке по России — от западных границ до Тихого океана, — понакомились уже миллионы читателей. Материалы страшные. Идет беспредедентное, наглое разграбление страны через коммерческие структуры, через государственные организации, через проходимцев из-за рубежа.

«У меня впечатление: идет криминальная революция», — пишет автор. — Вернее, она завершается. Победой будет считаться окончательное построение уголовно-мафиозного государства... Я называю эту революцию великой, так как в лапы уголовников попала не какая-нибудь Панама, а шестая часть планеты».

Кадры фильма. Российско-китайская граница. Отсюда туда гонят все подряд — цветные и редкие металлы, стройматериалы. КамАЗы, всевозможную технику... Гонят, как металлолом, торпедные двигатели, серебряноцинковые аккумуляторы от подводных лодок, сами подводные лодки, военные корабли. Авторам фильма попался на пути даже... передвижной штаб армии, кото-

рый тоже двигался на продажу за рубеж. Назад в кузовах наших автомобилей везут пустоту, воздух. По нашу сторону границы — нищета, по ту — строятся и богатеет новый китайский город.

Съемки, сделанные в Забайкальске, где из загнаных на запасные пути вагонов растаскивают все — обувь, магнитофоны, продукты питания, причем тащат в основном дети, так похожие на беспризорную шпану времен гражданской войны, — это как образ самой России, загнанной в тупик и отданной на полное разграбление. И эти дети, которые не ходят в школу, с полными карманами денег — и есть ее будущее?

Реакция в зале на эти кадры: люди хватаются за голову, тяжело вздыхают, чуть ли не стонут. Страшно...

Станислава Сергеевича спрашивают: вы показывали этот фильм в Думе?

Ответ: — Показывать фильм депутатам не вижу смысла. Дума, как и общество, поделена надвое. Одна половина знает все это не хуже меня, а другой половине показывать бесполезно. Я

Сов. России. 1994. 27 мая - сд.

ОКАЯННАЯ ПРАВДА

вижу своей единственной задачей сегодня рассказывать правду простым людям, исполнять, если хотите, завет Пушкина: «Глаголом жечь сердца людей...» Из своих поездок по стране я вынес: люди встали плечом к плечу в своем неприятии режима.

Из книги «Великая криминальная революция» (глава «Выбор России»):

«Все мы ее (Россию) — С. Ш. — прогадали и проболтали. На всех лежит вина. На авторе этих строк — особая».

Достаточно сказать, что мой фильм «Так жить нельзя» помог Ельцину стать председателем Верховного Совета РСФСР. Был такой эпизод весной 1990 года. Дважды Съезд народных депутатов России не утверждал Ельцина председателем Верховного Совета. Наутро должно было состояться третье голосование. Вечером, накануне голосования, мы подогнали автобусы к зданию, где проходил съезд (автобусы нам дал Моссовет, с которыми Ельцин потом так легко разобрался), мы посадили всех депутатов съезда в автобусы и отвезли на «Мосфильм». Там, в большом Эталонном зале, им показали еще сырой фильм «Так жить нельзя». Что потом началось! Человек 150 коммунистов-ортодоксов стройными рядами вышли из зала — в знак протеста. Остальные устроили овацию. Помню голоса из зала: «Завтра те, кто голосовал против Ельцина, одумаются». Наутро состоялось третье голосование. Съезд (тот самый съезд, который Ельцин расстрелял потом из пушек) большинством в четыре голоса избрал Ельцина председателем Верховного Совета. От председателя до президента путь был коротким. Значит, и я приложил руку к разрушению России.

Как мне больно признаться, моя честная и искренняя работа (не лишенная, конечно, заблуждений) имела разрушительное воздействие. Зрители оказались не готовы к такому волопуду правды, обрушившемуся на их головы. Одно они поняли из фильма — будут судить коммунистов.

...Очень точно сказал Александр Зиновьев: «Мы целили в коммунизм, а попали в Россию». Вот и я: целил в коммунизм, даже не в коммунизм, а в казарменный коммунизм ленинско-сталинского типа, а попал — в Россию...»

...Чтобы понимать вещи так, как их понимает сегодня Говорухин, не обязательно самому быть коммунистом (он им никогда и не был), достаточно просто быть честным, порядочным человеком. Кстати, герои прежних, художественных, фильмов Говорухина были далеки от политики, но все они отличались настоящим благородством, несколько даже романтизмом, это были честные, сильные и смелые люди. А пристрастие именно к таким, а не к другим героям кое-что говорит о художнике.

Я часто думаю: будь жив Высокый, с кем бы он был сейчас? Неужели с теми, кто поет осанну новому царю?.. Не верю, нет. Он не мог быть... «Если друг оказался вдруг...» — помните, из «Вертикали», первую разрешенную его песню? Говорухин был дружен с Высокым, и, мне кажется, Высокый не предал бы этой дружбы.

Запись из дневника С. Говорухина:

«Сегодня прочел в газете про себя. Между прочим, в хорошей компании оказался — Александр Зиновьев, Татьяна Корягина, Юрий Власов... Оказывается, все мы «на каком-то повороте истории выпали из кибит-

ки». Автор статьи не уточняет, на каком. Я ему подсказу. На том самом повороте, когда вдруг выяснилось, что плодами наших усилий по разрушению тоталитарной системы, результатами усилий всего общества решили воспользоваться жулики. Я даже дату могу назвать этого исторического поворота — 21 августа 1991 года. И, кроме себя, нам вменить некого. Мы сами вручили знамя демократии в руки жуликов».

Дневник появился в октябре 1993 года, когда работа над фильмом и книжкой уже заканчивалась. События 3—4 октября ворвались в них непредвиденными главами, писались прямо по горячим следам, но оказались на удивление органичными. Снявший фильм о широкомасштабной криминализации страны, Говорухин стал очевидцем самого тяжкого преступления наших дней — расстрела парламента, он назвал его в своей книге «апофеозом криминальной революции».

Отвечая в Краснодаре на вопросы участников встречи об оценке октябрьских событий (нет, не забываются

они и не забудутся они, большие половины вопросов — об этом), С. Говорухин рассказывал: — 3—4 октября по улицам Москвы гулял настоящий фашизм. Во дворах вокруг Белого дома убивали, пытали людей. Был, например, депутат — рабочий из Казани. Он человек большой, у него под сердцем зашит электростимулятор. По нему омовцы плясали, сломали 8 ребер. А в это время его мать смотрела трансляцию расстрела по телевидению, и у нее случился тяжелый инсульт.

(Кстати, одна из самых убийственных глав книги и фильма — это «Свидетельство» показания Румянцева Олега Германовича, подвергнутого в тот черный понедельник зверским избиениям, унижению, страху смерти).

— Но самым большим потрясением, — продолжает Говорухин, — было для меня стоять 4 октября утром на мосту и видеть, как при каждом выстреле из танка собравшаяся здесь толпа аплодирует и кричит: «Так их, так их!» Молодежь, которая выбрала «пепси» и которую, видимо, мы уже потеряли...

Слушая Говорухина, я, как, наверное, и многие в зале, думала о тех из его коллег по искусству, кто занял в те дни совсем иную позицию. Разочарование в политиках переживается народом, мне кажется, не так болезненно, как разочарование в любимых артистах, писателях, режиссерах. Политики явились, наделали дел и уйдут, на их место придут другие — так уж заведено. Художники стали кумирами задолго до сегодняшних трагедий, их знали и любили всегда, и заменить невозможно никого — остается пробол.

Про многих вообще неизвестно, где они, с кем, молчат, ушли в тень. Предательство своих кумиров народ переживает тем более остро, что предают как раз «народные», самые любимые, те, кто создавал эталоны Героев, Полководцев, Честных людей.

На встрече с Говорухиным люди спрашивали: а почему Ульянов, а почему Рязанов... а почему?..

— Это вопрос не ко мне, а к ним, — уходил он от прямого ответа. — Имейте только в виду, что есть много, очень много людей искусства, кто думает иначе, но другое дело, что они не получают такой трибуны в прессе и на телевидении, как те, кто поддерживает эту власть. Возьмите Распутина, Бондарчука, Розова... Когда сразу после октябрьских событий я сделал публичное заявление о своем выходе из Союза кинематографистов, первыми, кто мне позвонил со словами поддержки, были Татьяна Лиознова, Леонид Филатов, Сергей Шакуров, Станислав Любшин... И тогда я подумал: как же много у нас остается честных и порядочных людей, думающих так же, как мы с вами, любящих Родину и ее народ!

Позже, беседуя со Станиславом Сергеевичем, я вернулась к этому вопросу, ответ на который меня не вполне устроил: почему? Почему все-таки? Не хочется думать о примитивной корысти, о трусости, о сознательной любви ко всему родному. Начинаешь придумывать любимым некогда писателям и актерам какое-то оправдание: а может, они искренне заблуждаются, а может, им стыдно признаться, что однажды они ошиблись? Не могу, например, согласиться с тем, что такой большой писатель, как Виктор Астафьев, не видит, не понимает, что на самом деле происходит в России. Может быть, он и мно-

гие другие просто заиклились на своей оппозиции к прошлому, и она все еще не отпускает их, затмевает взор?

Говорухин подобных смятающих объяснений не принимает, он беспощаден: — Нет, нет, не то! Поймите, наша интеллигенция истова и верно служит любой власти, особенно когда она сильна. Они Ельцину не очень-то раньше служили, но как только выяснилось (в октябре), что за ним сила... Это обыкновенная трусость.

— И только?

— Нет, конечно же. Все они служат не бесплатно. Одного пригласили с лекциями, другому дали деньги на фильм, у третьего пошла книга на Западе... Ведь смотрите, что получается: пока у нас была власть рабочих и крестьян, герои фильмов тоже были рабочими и крестьянами. А недавно я специально проанализировал до сотни фильмов, герои — сплошь воры, проститутки, «кидалы» и т. п. Потому что теперь власть преступников, и наше искусство уже обслуживает эту власть. Потом другие придут — про них фильмы будут делать. Задумайтесь: сатирик, которому

на роду написано быть не в ладу с властью, получает орден!.. — Значит, перерождение? — Не знаю. Я только знаю, что русская интеллигенция — и при царе, и при Сталине, и при Брежнев — была в оппозиции к власти. Пусть в кухонной, но в оппозиции. И вдруг — самая ничтожная, самая воровская власть, и — не только не в оппозиции, а прямо-таки любовь! А в это время русская культура гибнет, подменяется западной. Кинотеатры закрываются, библиотеки нет. Где кино? Его нет. И не будет, потому что на лжи, подкупе не создашь искусства. Единственный человек, который может сегодня в кинематографе создать великое произведение, — Никита Михалков. А литература? Ее тоже нет. Самая «выдающаяся» книга за последнее время — «Записки президента». Интеллигенция в восторге! Хотя фамилия журналиста, который ее написал, всем известна.

При этих словах я вспомнила сюжет в телевизионных «Новостях»: Марк Захаров, выступая на презентации книги, сказал: «Я потрясен великой простотой этой книги!»

— А ведь в свое время, — продолжает Говорухин, — они руки не подавали Е. Матвееву за то, что он играл Брежнев, и В. Тихонову, который читал по телевизору «Малую землю».

Да, не жалуется Станислав Сергеевич своих собратьев по творческому цеху... Наверное, есть среди них и трусы, и корыстолюбцы. Но немалую роль, мне кажется, сыграло вот что.

В начале перестройки Горбачев, как мы помним, сильно заигрывал с интеллигенцией. Видных деятелей науки и культуры стали тогда включать в президентский совет, избирать в партийное руководство и Верховный Совет, даже назначать министрами. Далеко не самые выдающиеся из советских ученых — Г. Попов и А. Собчак — вдруг становятся моральными духом российских столиц. У не избалованной высокими государственными постами интеллигенции это, вероятно, породило определенные иллюзии, вплоть до того, что власть теперь находится в ее руках. Если прежде мнения интеллигенции в государственных делах не очень-то спрашивали, то при Горбачеве этому мнению стали уделять чрезмерное внимание. Скажем, статьи А. Нуйкина или Н. Шмелева оказывались достаточно для очередного пересмотра экономической политики страны. Горбачев был очень подвержен влиянию радикальной интеллигенции, больше всего забитая о своем имидже именно у этой части общества, которая, в свою очередь, становилась все самоувереннее и требовательнее, подталкивая сначала Горбачева, потом Ельцина ко все более радикальным действиям. Сначала к отмене известных статей Конституции, потом к согласию на отделение Литвы, потом к разгону парламента... Так и дожили мы до октября 93-го.

Из дневника С. Говорухина:

«Кто призывает к «решительным действиям»? К оружию звали не только «красные». К кровавой расправе призвала и творческая интеллигенция. Только в силу своей природной трусости призвала волонтеров не из своих рядов — звала на подвиги армию и милицию».

...Один за другим на экране — популярные артисты и деятели искусства. Вылезли из окопов. Рискую жизнью, приехали на Шаболовку. Де-

ятели искусства, перебивая друг друга, клялись в верности власти. Чуть ли не каждый второй выступавший требовал жуткой казни отступникам. «Расстрелять, гильотинировать... Показывать в зоопарке!» А мне все время вспоминался солженицынский «Теленок». Все — не так, но все — очень похоже».

«...А коммунары-то были помятеж. И почтнее. Те три дня в августе я провел в Белом доме, защищал «демократию». Никто у нас ни телефоны, ни свет не отключал. Жили мы вполне комфортно. По моему последнему ночному с Растроповичем. Шампанское лилось рекой. Никто на нас не нападал, не стеснялся оцепления. Наоборот, мы оцепинились стволами танковых пушек».

Встречаясь с любым художником, известным деятелем, люди жаждут услышать от него не только слова правды, насытить известной, скрываемой от них информацией, получить подтверждение собственным мыслям и суждениям. Они хотят услышать внятны ответ на вопрос: что делать? Какой выход из положения? В этом проявляется вечное упование народа на лидеров, вождей, вечная надежда провинции на столицу-матушку.

Так и на этот раз было. Люди пытали Говорухина: что же дальше? — а он честно отвечал: не знаю.

О Рупком отозвался положительно: «Он мне не друг, но нравится за прямоту, интересный человек, многосторонний, талантливый в разных областях». Хотя в его шансы стать президентом Говорухин не верит.

О Жириновском высказался с тревогой: «Их два — один говорит, другой действует. На словах он ярый враг режима, а по поступкам — человек президента... Тонкий, расчетливый, умный... В совершенстве владеет искусством «грязной политики». Он еще много бед принесет. И я бы не сказал, что у него нет шансов стать президентом. Так что учите историю ЛДПР на всякий случай».

О Травкине — отметил, что договор о согласии он подписал вопреки мнению фракции ДПР в Госдуме. Сам Говорухин в ДПР не состоит и шел лишь в блоке с 28 партией на выборы. После 28 апреля сделал заявление в газете «Правда», что ни на какое соглашение с этой властью (он называет их «наперсточниками») не пойдет.

О Солженицыне, которого он почитает за самого великого русского писателя из ныне живущих, сказал, что последние события в России их как бы развели. «Я ему честно написал в письме, что здесь было. После этого наши отношения нарушились. В мае он приехал в Россию, посмотрим, что он скажет».

И, наконец, небезынтересно — о Горбачеве: «Я встречался с ним пару раз. Он сильно поумнел. Разговариваю, а сам думаю: какая умница, вот бы кому быть президентом! Но ведь был, был!! И мог сделать народ счастливым, а сделал несчастным».

«Ну, кто же, кто, наконец, сделает Россию и народ счастливыми? И с кем вы сами? За кого?» — допытывались краснодарцы.

Великого государственно-го деятеля типа Петра Первого, в котором так нуждается сегодня Россия, пока не видно. Власть сегодня очень сильная. И чтобы противостоять ей, оппозиция должна объединиться, поэтому я и пошел в движение «Согласие во имя России». Но выдвинуть единого лидера оппозиция пока не может. Его нет. Хотя я не верю, что такая великая духовная страна, как наша, не родит такую личность, возможно, она уже где-то на подходе.

Некоторые из числа наиболее активных патриотов, буквально рвущихся в бой, уходили со встречи немножко разочарованными: разбередил душу, а что делать — так и не сказал, оптимизма не вселил. Меня тоже поначалу разочаровал этот его пессимизм. У него и книжка обрывается на такой же ноте: «Оптимистом в наши дни может быть либо дурак, либо полдец».

Но потом я подумала, что это не пессимизм, а реализм, что в конце концов он художник, его дело — видеть и говорить людям правду. «Глаголом жечь...» Будоражить, будить.

А изменить свою жизнь к лучшему люди могут только сами, когда перестанут терпеть и молчать.

Когда поймут наконец, что так жить нельзя.

Светлана ШИПУНОВА.

ОТ РЕДАКЦИИ

Во время встречи краснодарцев с С. Говорухиным ряд читателей «Советской России» передал через нашего собкора деньги в фонд помощи газете. Это — Е. Д. Лодовская, И. А. Шапалов, Г. В. Горбачева, Н. П. Шаповалова, Н. И. Чумичев, В. П. Веретенников, М. Ф. Кожина, В. В. Ткаченко, Н. Г. Володина, Ф. С. Астафьева, Н. В. Илюмина, С. Н. Трушин, С. Д. Аржанов, Н. И. Першин, В. И. Талыгина, А. Г. Горских, В. Ф. Дроботов, Т. В. Фролова, Н. Б. Красина, А. И. Завгородний, В. М. Пиналов.

Спасибо вам, дорогие товарищи!